

Е. В. КУПЧИК

ОБРАЗ ВОРОНА В ПОЭЗИИ

Б. ОКУДЖАВЫ, В. ВЫСОЦКОГО И А. ГАЛИЧА

Мир пернатых, отражённый в произведениях Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича, отличается богатством и разнообразием. «Орнитология» каждого поэта своеобразна; вместе с тем образы некоторых птиц значимы для всех трёх авторов.

В творчестве поэтов, чутких к народной традиции, важное место занимает образ ворона, обладающий глубокой мифологической семантикой. Питающаяся падалью, издающая зловещий крик чёрная птица связана с царством мёртвых, со смертью, с кровавой битвой. В европейской культуре ворон с давних пор фигурирует как птица, приносящая несчастье, гибель; в средневековой христианской традиции он становится олицетворением сил ада¹.

Ворон у Окуджавы, Высоцкого и Галича² предстаёт птицей смерти. Связь с традицией очевидна; в то же время мы имеем дело с разными вариациями исходного мифологического образа.

У Б. Окуджавы образ чёрной птицы появляется в связи с темой войны. К полям сражений слетается вороньё, воронам уподобляются вражеские самолёты. Из представителей семейства вороновых именно ворон предстает символом войны (шире — смерти), причём более обобщённым и зловещим, чем в народной традиции,

¹ Мифы народов мира / Под ред. С. А. Токарева. М., 1987. С. 245.

² Произведения названных поэтов цит. по изд.: Окуджава Б. Чаепитие на Арбате. М: ПАН, 1996; Высоцкий В. С. Сочинения: В 2 т. Екатеринбург, 1997; Галич А. Облака плывут, облака... / Сост. А. Костромин. М., 1999.

где он является предвестником гибели человека (или группы людей), обычно в сражении. Два текста Окуджавы («Примета» и «Чёрный ворон сквозь белое облако глянет...»), где этот образ является центральным, открываются упоминанием известной приметы: «Если ворон в вышине — дело, стало быть, к войне»; «Чёрный ворон сквозь белое облако глянет — // значит, скоро кровавая музыка грянет». Ворон у Окуджавы не столько вестник, сколько причина глобальной человеческой трагедии. Власть ворона, взирающего с высоты на побоище, распространяется не только на живых — с него «взоров не сводят» даже мёртвые.

Воплощая некую злую силу, которой люди не могут противиться, ворон у Окуджавы не представлен активным деятелем. Зловещая птица, как правило, не вступает в контакт с человеком, редко издаёт крик, а движения её обычно сводятся к кружению. Отметим, что ступень обобщённости данного образа у Окуджавы связана с мерой активности ворона и близости его к земной поверхности и людям. Наиболее приземлённым — в прямом и переносном смысле — оказывается вороньё, которое целенаправленно перемещается в поисках пищи, находя её на полях сражений, где и «жирует». Образ ворона, который «над Переделкином чёрную глотку рвёт», с одной стороны, предстает вполне конкретным, «земным» (птица находится в определённой географической точке, в непосредственной близости от героя), активно ведёт себя, с другой — обладает некоторой обобщённостью, на что указывает сравнение *как персонаж из песни*. Высокая степень обобщённости присуща образу ворона в «Примете» и стихотворении «Чёрный ворон...». Птица, находящаяся на значительном расстоянии от земли, не проявляет выраженного интереса к происходящему, не издаёт звуков и практически не двигается. Одного её присутствия оказывается достаточно для воцарения на земле ада. Пребывание ворона *в вышине* показано поэтом как вечное, не ограниченное временными рамками: ворон находится там *с прадедовых самых времён*.

В контексте творчества Окуджавы данный образ амбивалентен. В лирике поэта он отражён и как образ «предсказателя, провидца, пророка, вещуна», на что справедливо указывает И. А. Соколова³. Именно с вороном сравнивает себя лирический

³ Соколова И. А. Фольклорная традиция в лирике Б. Окуджавы // «Свой поэтический материк...» М.: МГУ, 1999. С. 36.

герой «Работы»: «Определяю день и час, // события изобретаю, // как ворон, вытаращив глаз, // над жертвою очередной витаю».

У В. Высоцкого ворон значительно более приближен к человеку и активен по отношению к нему. Для героя песни «Ошибка вышла» врачебный осмотр выглядит одновременно и земным, и адским действием. Герой чувствует себя истязуемым на допросе, который рисуется ему шабашем нечисти («рыжую чертовку ждут // С волосяным кнутом»; «самый главный <...> // Вдохнул осатанело»). В воспалённом сознании героя, чувствующего себя на границе жизни и смерти, появляется такой же «пограничный» — инфернальный и в то же время земной — образ ворона (реминисценция из Э. По):

Раздался звон — и ворон сел
На белое плечо.

И ворон крикнул: «Nevermore!» —
Проворен он и прыток, —
Напоминает: прямо в морг
Выходит зал для пыток.

Ворон у Высоцкого, как и у Окуджавы, оказывается спутником войны — но именно спутником, а не причиной. Его голосом озвучена картина разорённой войной земли. Упоминая в «Аистах» о лязганье брони, столах земли, поэт отмечает: «Певчих птиц больше нет — вороны!».

Особо значим для Высоцкого при характеристике птиц цветовой контраст, прежде всего универсальная оппозиция чёрного и белого. Если у Окуджавы и Галича птичий мир разноцветен, то у Высоцкого маркированы только чёрный и белый. К чёрному цвету примыкает столь же негативно оцениваемый поэтом серый. Чёрный человек в костюме сером вызывает у читателя ассоциации с представителем семейства вороновых и по внешним приметам (цвет), и по сущностным признакам. «Плохому» цвету воронья противопоставляется белый как «положительный». В «Белом безмолвии» автор рисует вольный мир, где «Снег без грязи — как долгая жизнь без вранья»: там летают белые чайки и «не водится <...> воронья». Особую значимость обретает данное противопоставление в стихотворении «В плен — приказ — не сдаваться...». На смену чёрным воронам, чьё кружение «над трупами наших бойцов» воспринимается как алогизм, прилетают белые птицы,

вороны же начинают виться, «словно над падалью», над живыми врагами, что представляется герою справедливым.

В частушках к спектаклю «Живой» Высоцкий, прибегая к каламбуру, рисует образ человека-ворона: *Пашка-Ворон*, которому адресуется вопрос из народной песни «Чёрный Ворон, что ты выёшься...», предстаёт фигурой зловещей («Воронку бы власть — любого // Он бы прятал в “воронки”»), но не пугающей героя.

Ворон у Высоцкого предстаёт существом из того же земного мира, что и человек. Он отличается от статичного и почти безмолвного ворона Окуджавы — совершает определённые действия, издаёт звуки, в том числе и речевые, идёт на контакт с человеком. В то же время этот образ сохраняет извечную связь со смертью (появление над головами людей как знак их скорой гибели, кружение над трупами).

В текстах А. Галича ворон принадлежит скорее земле, чем небу. Если у Окуджавы ворон, как правило, удалён от земной поверхности, отчуждён от мира человека, то у Галича он оказывается в непосредственной близости от людей, располагаясь, к примеру, на плетне или под окном. Птица посещает героя:

Прилетает по ночам ворон,
Он бессонницы моей кормчий;

сообщает ему некую информацию:

...выкаркивает мне номера
Телефонов, что умолкли давно.

В «интеллектуальной» характеристике ворона (*глупый*) можно увидеть апелляцию к образу ворона как мудрой, вещей птицы. В «Колыбельном вальсе» ворон обращается к человеку с вопросом «Хорошо ль тебе в петле?». Здесь актуализируются такие компоненты семантики образа ворона, как связь со смертью и враждебность человеку.

Значимым признаком ворона, как и в целом птиц у Галича, является голос. Птицы с громкими, резкими голосами маркированы в творчестве поэта как «плохие». Так, петух, относимый традицией скорее к «хорошим» птицам (связь с солнцем, утром, способность петушиного крика прогонять нечистую силу), у Галича предстаёт двойником отрицательного персонажа, причём в основе сопоставления лежит голосовая характеристика (*гоголет*,

как кочет). С голосами птиц семейства вороновых ассоциируются и звучащие из репродукторов пафосные речи:

...А над нами с утра, а над нами с утра,
Как кричит вороньё на пожарище,
Голосят рупора...

— и герой испытывает желание «Посшибать рупора, посбивать рупора — // И услышать прекрасность молчания...».

Образ ворона (как и воронья) сопутствует образам антигероев Галича. *Подлец и шиббер* из «Переселения душ» предстаёт *вороном в перьях сокола*. С упоминания о вороне начинаются речи *вертухая с овчаркою* и *вертухая прилизанного* (пословица «Ворон ворону глаз не выклюет»). Отметим, что образ ворона — один из самых частотных у Галича.

Образ ворона занимает особое место в картине птичьего мира у всех трёх авторов. Опираясь на традиционную символику, поэты актуализируют в своём творчестве разные её компоненты. Преобладающим является представление о вороне как о зловещей птице: это вестник смерти, а также её причина (у Окуджавы), аналог антигероя (у Высоцкого и особенно у Галича). Наиболее обобщённым образ ворона выглядит в творчестве Б. Окуджавы — это символ войны как общечеловеческой трагедии, скорее мистическое существо, нежели реальная птица. Даже «обычный» ворон, летающий над посёлком, вызывает у героя Окуджавы «фольклорные» ассоциации. Ворон у Высоцкого и Галича предстаёт более земной птицей. Для героя возможна ситуация своеобразного диалога с ним, причём инициатором контакта оказывается птица. Таким образом, в творчестве поэтов находит своё отражение народное представление о вороне как «плохой» птице. Соответствующие компоненты семантики оказываются особенно важными для Высоцкого и Галича, с их пристальным вниманием к негативным сторонам жизни человека и общества. Характерным для этих авторов является уподобление ворону отрицательного персонажа. Подобное сопоставление нетипично для Окуджавы, в произведениях которого яркий образ врага отсутствует. В некоторых окуджавских контекстах и сам ворон не враждебен человеку.

Представляется справедливым в отношении Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича говорить не о простом следовании фольклорной традиции, а о творческом её освоении.